

КАК ВЫСТРЕЛ В СПИНУ

ДРАМА ХОЛОДНОГО СЕРДЦА

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат
Государственной
премии Республики
Беларусь

Минск. 2003 год.

СТРАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Голос женщины, позвонившей поздно вечером, никого мне не напоминал, хотя та и уверяла, что мы знакомы.

– Меня зовут Лидия Викторовна. Я вас приглашаю в свой офис, это недалеко от вашего места работы. По какому поводу? Пусть это пока останется нашей маленькой тайной. Записывайте адрес...

Утром я пробил адрес по компьютеру. Это было административное здание, площади которого арендовались ОАО, ООО, ОДО, индивидуальными предпринимателями. Журналистский зуд требовал сорвать покровы с «маленькой тайны», и вот я вхожу в офис. Итальянская мебель, картины на стенах, экзотические растения по углам, телевизор с плазменным экраном... Вставшая из-за приставного столика женщина в деловом костюме протянула руку:

– Ирина Дмитриевна. Я подруга Лидии Викторовны и главный экономист. Она будет с минуты на минуту. Кофе, чай?

Не успели мы отпить и по глотку, как в кабинет вошла женщина, и я тотчас узнал ее – то же не улыбочное лицо, проскальзывающее в глазах напряжение...

– Вижу, узнали. Вот и хорошо. Удивлены? Впрочем, журналистов ничем не удивишь. Тем не менее...

Она умолкла. Молчал и я, гадая о причинах столь странного приглашения.

– Вы тогда написали, что я стерва, каких мало...

Я попытался протестовать, но она, повысив голос, продолжала:

– Конечно, таких слов, как «стерва», «мерзавка», в статье не было. Но это подразумевалось. Вы написали, что я холодная, расчетливая, недобрая, лживая, лицемерная, бессердечная, коварная, неуважительная к родным и подругам. Ну и так далее... Что за это я наказана одиночеством, что люди от

меня отвернулись. Так вот, своей жизнью, всем, чего достигла, я доказала, что это чужь. У меня собственное дело, любимая работа, любящий муж, прекрасный сын, верная подруга. Конечно, доказала не вам. Много чести. Ваш пасквиль – малюсенькая царапинка на душе, не более того...

– Такая малюсенькая, что вы так долго не можете о ней забыть?

– Во-первых, я не люблю оставлять долгов, даже вот таких, типа царапинки. Во-вторых, не думаете же вы, что я вас пригласила, чтобы высказать недовольство давнишней публикацией. У меня к вам, скажем так, не-большое дело.

Агрессивной напористости, показного недружелюбия у нее явно поубавилось, она велела принести конфеты, восточные сладости и... бутылку вина.

– Кстати, как там Валентина Савельевна?

Наверное, смысл вопроса не сразу дошел до нее. Она странно посмотрела на подругу, потом вновь на меня, зачем-то стала переставлять на столе вазочки с конфетами, лицо ее опять приобрело не улыбочное выражение.

– Не в курсе. Я давно не была в Гродно... Кстати, Ирина, нам пора, мы и так уже опаздываем, так что о деле поговорим как-нибудь позже. Созвонимся.

Я понял, что мой вопрос был для нее неприятным, что меня выпроваживают, и откланялся, пообещав ждать звонка...

Гродно. 1983 год.

ПРОПАЖА ПОЛОТНЯНОЙ СУМОЧКИ

Что такое счастье? Если бы кто-либо задал такой вопрос Валентине Савельевне, она не нашлась бы что ответить. Она знала одно – счастье обошло ее стороной. У нее была прекрасная специальность – врач-педиатр, много друзей, знакомых. Но друзья не всегда рядом, а работа, приходит час, кон-

чается, и надо возвращаться в опостылевшую квартиру, где больше никого...

В 1942 году радистка Валентина Зорина во-евала в партизанском отряде. Одну из групп отряда возглавлял Сергей Островецкий, веселый черноволосый парень. Родом он был из Севастополя. Валентина влюбилась в него без памяти. Взаимностью отвечал ей и Сергей.

Он погиб у нее на глазах. В том же бою была ранена и Валентина. Ей ампутировали половину ступни. С тех пор она прихрамывает. Но не это стало причиной ее одиночества. И сразу после войны, и позднее ей предлагали руку и сердце уважаемые ею люди. Но она решила остаться верной своему Сереже.

Из родных у нее никого не было. Оставалась, правда, надежда, но и та оборвалась. Валентина Савельевна узнала, что детский сад, в который ходили ребятишки старшего брата, успели эвакуировать. Почти десять лет вела она поиск, но безуспешно.

И вдруг – письмо: «Здравствуй, дорогая тетя Валя! Пишет тебе твой племянник Виктор, сын твоего брата Степана. Долго я тебя искал, но все-таки нашел...» А еще через месяц пришла телеграмма: «Встречай еду дочкой твой Виктор Зорин». Работал он инженером в Мурманске. Зарабатывал хорошо, имел квартиру. Жил с дочерью, жена умерла полтора года назад.

Шестилетняя Лидочка быстро привязалась к Валентине Савельевне, как и та к ней. Подумали они, как жить дальше, и решили: Виктор уедет из Мурманска, купит здесь небольшой домик поблизости от ее квартиры. Все же не чужие друг другу, да и Лидочка всегда будет под присмотром. Недостающую сумму денег для покупки дома даст Валентина Савельевна.

С утра до вечера звенел теперь в ее полупустой квартире звонкий голосок. Лидочка жила в основном у нее, отец забирал ее лишь на выходные. Валентина Савельевна готовила девочку в школу и радовалась, что та растет смышленной, сообразительной.

Как-то Виктор пришел в будний день. Долго молчал, затем через силу, запинаясь, выдал:

– Произошла ошибка... Мы не родственники... Нашлась моя настоящая тетя...

Судьба снова повернулась к ней не лучшей стороной. Лидочка по-прежнему бывала у нее, но реже. А потом, когда Виктор привел в дом молодую жену, вовсе перестала приходить. Валентине Савельевне было обидно, но свою обиду она сумела перебороть. А когда вышла на пенсию, жизнь вновь осветилась Лидочкой. Та успешно сдала вступительные экзамены в медицинский институт и забежала поделиться радостью:

– Исполнилась моя мечта... А появилась она благодаря вам, дорогая Валентина Савельевна, дорогая моя бабушка. Вы не обидитесь, если я буду так называть вас? До начала занятий полторы недели, можно, я поживу это время здесь? У нас негде – мачехина родня понаехала.

– Живи, внученька, сколько хочешь...

Валентина Савельевна гордилась Лидочкой: учится в большом городе, в знаменитом институте. По вечерам читала и перечитывала ее письма. «Мне кажется, хорошим врачом может стать не тот, кто много знает, а тот, кто чужую боль умеет переложить на себя, для кого не бывает чужой беды... Спасибо за спортивный костюм – очень красивый, мне идет...». «Скоро Новый год. Четыре месяца пролетели, как четыре дня. Но сколько вместили они! Если бы мне раньше сказали, что я буду жить такой насыщенной жизнью, – не поверила бы. Дорогая бабушка, подбрось к Новому году десяточку или две». «Новый год встретила хорошо, с друзьями. В последние дни много размышляю о природе сострадания. У одних оно почему-то есть, у других его нет. Я думаю, без сострадания человеческие взаимоотношения были бы гораздо беднее... Спасибо за деньги и посылку».

Она перечитывала письма и радовалась: ее внучка нравственно взрослеет.

Зимние каникулы Лидочка провела у бабушки. Жила у нее и летом. За два дня до отъезда в институт Валентина Савельевна вручила ей сберкнижку. Та обрадовалась безмерно, затискала бабушку в объятиях, зацеловала. Это неприятно кольнуло: в ее девичьи годы такого значения деньгам не придавали.

Не успела проводить Лидочку, как та возвратилась.

– Беда у меня, – выдохнула еще с порога.

В прошлую субботу ее подруги пошли в баню. Золотые кольца, кулоны, серьги сняли, отдали на сохранение Лидочке. А та их потеряла. Очевидно, в трамвае. Ехала из института в общежитие, решила по дороге полистать учебник. Когда вытаскивала его, драгоценности, наверное, и выпали. Несколько раз обращалась в стол находок – бесполезно. Драгоценностей было почти на тысячу рублей. Лидочка хотела снять деньги со сберкнижки, которую завела на ее имя Валентина Савельевна, но та не разрешила:

– Эти деньги тебе на обзаведение после института... Я дам свои...

Лидочка уехала повеселевшая.

Зимой она опять жила у Валентины Савельевны. Была к ней внимательна, заботлива. Бегала по магазинам, покупала продукты, готовила, стирала.

– Ты отдохни, управлюсь и одна, – то и дело говорила бабушке. – И вообще, может мне перебраться к тебе? Вдвоем веселее будет.

– Так ведь уже перебралась...

– Я прописку имею в виду, – ответила Лидочка и вопросительно посмотрела на Валентину Савельевну.

– Ах, вот что... Конечно, прописаться надо.

На другой день Лидочка уехала. А еще через день Валентина Савельевна обнаружила пропажу полотняной сумочки – единственной вещи, которая сохранилась у нее с довоенной поры. В ней были орденская книжка, облигации на полторы тысячи рублей и стихотворение Сережи. Он написал его в партизанском отряде и посвятил ей. Это все, что у нее осталось от него.

Возникшее подозрение показалось настолько нелепым, что она решительно отбросила его. Но с каждым днем сомнения одолевали все больше. Она написала письмо. В мягких, деликатных выражениях сообщила Лидочке о пропаже сумочки, спрашивала, не попала ли внучка в дурную компанию. Ответ пришел быстро. От него веяло разящим холодом, неприкрытой грубостью: «Если ты хочешь называть меня своей внучкой, то это не значит, что имеешь право оскорблять. Как ты могла додуматься, что я попала в дурную компанию? Я разумный человек и никогда не совершаю необдуманных поступков. Что касается сумочки, то да, я взяла ее. Не украла – одолжила, просто не успела

спросить твоего согласия. Мне позарез нужны были деньги. Повторяю: не украла, а взяла без спроса. Согласись: это не одно и то же. Считай, что эти облигации ты дала мне в долг. Напиши, как вернуть его – сразу или по частям?»

В следующий раз она писала: «Я очень удивлена. В твоём письме одни общие слова, общие рассуждения о высоком предназначении человека, о нравственности. Слышу их каждый день на лекциях. И поверь: преподаватели рассуждают на эту тему гораздо интереснее. Мой же вопрос – вернуть долг сразу или по частям – остался без внимания. Стихотворение вышлю на днях. Читала его подругам. Те хохотали: наивно, коряво, смешно. Удивились, что ты хранишь его столько лет...»

Последние строки Валентина Савельевна читала, схватившись за сердце. Жестокостью внучки она была буквально раздавлена и долго не могла прийти в себя. Та надсмехалась над самым дорогим, что было у нее на свете, – над памятью о человеке, любовь к которому пронесла через всю жизнь.

Думала, никогда не простит Лидочку. Простила. Целых три года та не навевалась и не писала. Приехала лишь перед самыми экзаменами за пятый курс. Расплакалась: ее исключили из института за плохую успеваемость.

Утешилась, однако, быстро.

– Впрочем, это к лучшему. Медицина не для меня. Кровь, пот, боль... Ежедневно видеть человеческие страдания... Для этого надо иметь крепкую нервную систему. А у меня нервная организация тонкая, ранимая... Пару месяцев перебыю как-нибудь, а там сдам в политехнический.

И вновь Лидочка была заботливой и внимательной. И Валентина Савельевна начала корить себя: не слишком ли строго судит ее? По молодости чего не бывает... Но шли дни, и свою заботливость она проявляла все реже. Когда же Валентина Савельевна слегла в постель, первую неделю еще ухаживала за ней, а потом перестала, сославшись на занятость, – работу на заводе и подготовку к вступительным экзаменам. А когда Валентине Савельевне стало немного лучше, Лидочка пригласила слесаря, и тот врезал в четырнадцатиметровую комнату замок. Бабушка осталась в девятиметровой.

Мы беседуем уже не первый час. В ее глазах, жестах, словах ищу признаки раскаяния. Прояви она его – можно было бы сделать вывод: стыдно человеку или по меньшей мере понимает, что стыдиться надо.

– Нет, мне не стыдно, – переходит она в атаку. – Я украла? Избила? Убила? В суд меня тащить не за что. И она, – пренебрежительный кивок в сторону бабушкиной комнаты, – хорошо это понимает. Я живу так, как хочу, как велят мне мои принципы...

Каковы же они – ее принципы? На первое место она ставит честность. Не знает, что накануне я побывал в мединституте, в котором она училась, поговорил с преподавателями и студентами. История с драгоценностями оказалась элементарнейшим блефом. Запуталась Лидия в отношениях с парнем, у которого были подозрительные делишки. Тот проворовался. Чтобы не дошло до суда, потребовалась крупная сумма денег. Он же подговорил ее выкрасть облигации. И отчислили ее не за плохую успеваемость – на пятом курсе перестала ходить на занятия...

– А как же ваш долг?

Она неторопливо открывает дверцы серванта (бабушкиного серванта), шкафа (бабушкиного шкафа), выдвигает ящики письменного стола (бабушкиного стола), извлекает откуда-то и кладет передо мной лист бумаги. Слева – наименования вещей, справа – цифры. «Спортивный костюм шерстяной – 67 рублей 38 копеек, джинсы – 140, брюки-«бананы» – 120, туфли – 45... Здесь же стоимость «утерянных» драгоценностей, «взятых без спроса» облигаций. Итого: 3 170 рублей 74 копейки.

– И это все?

– Подсчитала до копейки. Здесь весь мой долг. Верну, я слов на ветер не бросаю...

Вот так – до копейки. А я-то думал достучаться до нее. Где там! Понятие «долг» для нее существует только в денежном измерении.

А как же размышления о природе сострадания, о бедности человеческих взаимоотношений без него? А возвышенные слова о

том, что не должно быть чужой боли, чужой беды? Да никак! Не выстрадала она их, не пропустила через сердце и душу. Они для нее – нечто вроде дымовой завесы: и красиво звучат, и, самое главное, прикрывают ее сущность.

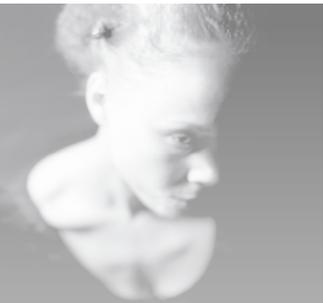
А сущность ее в философии: мне надо – я беру, не надо – оставьте меня в покое, не мешайте жить. Не была прописана в квартире Валентины Савельевны, нуждалась в ее помощи (пока только подсчитывает долги, не отдала еще ни копейки) – слала ей письма с возвышенными рассуждениями, проявляла о ней заботу. Получила что хотела – к чему теперь ей «общие рассуждения о высоком предназначении человека?» Зачем ей эта женщина – старая и часто болеющая? Для чего ей напоминания о сердечности и доброте, о тонкости и хрупкости человеческих отношений, о глубине человеческой привязанности?

Как стала такой? Неужто никто – ни родители, ни учителя – не видели, каким растет человек? Видели. Виктор Степанович, которого поведение дочери – о многом он узнал уже от меня – тоже потрясло, вспоминает, что сигналы были. В трудовом лагере дочь жестоко измывалась над девочкой-заикой, доводила ее до слез. Подругу, у которой умерла мать, на третий день после похорон стала приглашать на танцы. С братьями обращалась в основном с помощью подзатыльников, любви и тепла они от нее не видели. Однако на все это внимания не обращалось. Значение придавалось только одному – учебе. А училась она на «хорошо» и «отлично», никаких хлопот в этом смысле не доставляла.

Подобная позиция опасна прежде всего для ее носителя. Рано или поздно он остается один. Так произошло и с Лидой. Близких друзей у нее нет: кому нужна подруга, у которой в отношении к людям ни доброты, ни сердечности. Соседи по подъезду, ошеломленные коварством девушки, расценили ее поведение как выстрел в спину Валентине Савельевне и перестали с ней здороваться. И даже родного отца пугает она своей душевной глухотой.

– Я знаю, – с горечью признался он. – Нет у нее жалости и ко мне...

Минск. 2003 год.
**НЕ ПРИЕХАЛА СКАЗАТЬ
 ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»**

После столь странно-неожиданной встречи с героиней, а точнее, антигероиней давнишней публикации я не мог не навести кое-какие справки о Лидии Викторовне. Предприятие у нее небольшое, особых доходов не имеет, но на жизнь хватает. Муж трудится здесь же, шофером. Это у нее третий брак. Почему распались первые два, в фирме не знают. Сын от первого брака, студент, живет то с матерью, то с отцом. По мнению подчиненных, Лидия Викторовна – руководитель энергичный, знающий; по мнению коллег – необязательна, с ней трудно договариваться и вообще надо держать ухо востро. Словом, ничего необычного я не обнаружил.

И можно было бы порадоваться: человек пересмотрел свои взгляды, нашел в себе силы перебороть эгоизм и равнодушие, черствость и лицемерие... Но не давала покоя перемена в выражении лица Лидии Викторовны, когда я спросил о Валентине Савельевне. И эта нелепая отговорка «Давно не была в Гродно...».

Однако побывать там самому не удалось, и я попросил помощи у местных журналистов. Они-то и сообщили, что Валентина Савельевна умерла четыре года назад. На похоронах Лидия Викторовна не была, не приехала сказать последнее «прости» человеку, который ее вырастил. Ни разу не побывала и на ее могилке, даже не знает, где она находится. Отец неоднократно звонил ей, но она всегда ссылалась на занятость...

Минск. 2007 год.
**ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ
 С «МЯГКОЗУБОСТЬЮ»**

Она позвонила в конце лета. Сообщила, что по делам была в соседнем здании и есть необходимость зайти на несколько минут. Несколько минут растянулись почти на час. Лидия Викторовна попросила меня... написать статью о том, как незамужние женщины разрушают семьи.

– Нужен конкретный факт.

– Да куда уж конкретнее... Помните мою бывшую подругу, Ирину Дмитриевну? Так вот, она увела моего мужа. Как змея вползла в мою жизнь и мою семью, сына взбаламутила – он окончательно перебрался жить к отцу, а затем и за мужа принялась...

– Федор Игоревич был вашим мужем?

– Какой Федор Игоревич? Не знаю такого. Мой муж Олег Леонидович... Что вы так на меня смотрите?

В начале лета я рано утром ехал на дачу. По дороге взял на буксир «мазду» – нам, как сказал ее хозяин, отрекомендовавшийся Федором, было по пути. Притащил машину к одному из новых коттеджей, что стали расти как грибы после дождя за поселком Атолино. И тут из дома вышла женщина в спортивном костюме. Я узнал в ней Ирину Дмитриевну, которая оказалась женой... Федора.

Надо было видеть лицо Лидии Викторовны, когда рассказывал ей об этом...

Через некоторое время я навесил Ирину Дмитриевну.

– Оценки в той вашей публикации были верными. Я специально ходила в библиотеку, нашла газету, прочла... Сначала наши отношения были нормальными. А потом все чаще замечала, что Лидия стала... как бы это поделекатнее сказать – стала помыкать мною. Вроде я не главный экономист, не подруга, а самая младшая, но не самая любимая сестра, на которую можно прикрикнуть, чье настроение, чьи интересы, желания можно проигнорировать. Я не привыкла к таким отношениям и оттого чувствовала себя униженной. Поэтому и уволилась... Еще в прошлом году... А с Олегом Леонидовичем мы приятели – не более того. Он человек мягкий, добрый, чуткий... Да вы у Андрея, сына Лидии, спросите. Он ведь, если надо посоветоваться, идет не к матери, а к отчиму... Кстати, знаете, зачем она тогда пригласила вас? У конкурирующей фирмы случились неприятности – кинули поставщики, за неуплату налогов были начислены штрафные санкции. Лидия при встречах с владельцами фирмы сочувствовала им, а при мне потирала руки: «Мы добьем их... Добьем с помощью прессы». Эту роль и хотела предложить вам, попросив написать, как это нехорошо – скрывать доходы, не платить на-

логи. А тут и пример есть. Хотя умысла там не было, а обычная неопытность бухгалтера. Пнуть лишний раз поверженного – это в ее характере...

Олег Леонидович, с которым я тоже встретился, не знает, почему бывшая жена считает, что он ушел от нее из-за Ирины Дмитриевны. Наверное, в последнее время их часто видели вместе. Раньше он работал каменщиком, а Ирина Дмитриевна попросила помочь со строительством коттеджа, что он с удовольствием и сделал.

Отношения с бывшей женой разрушались постепенно. У нее два высших образования, у него лишь десятилетка. Он боялся, что различие в интеллекте осложнит их жизнь. И всячески старался подтянуться к ее уровню, много читал, следил за событиями в мире, бывал на выставках. Он любил ее и не хотел, чтобы ей было стыдно за него.

Поначалу настораживали мелочи. Как ее личный водитель, обязан был садиться за руль непременно в костюме и галстук, даже если предполагалась поездка за город на пикник. Дома, если звонили, она никогда не брала первой трубку – это должен был делать он, вроде личного секретаря. И не дай бог сказать собеседнику, кто бы это ни был, «Лида», «Лидочка» – только Лидия Викторовна. На приемы и презентации она никогда не брала его с собой – он оставался в машине. Но это его не тяготило. Как и работа по дому – он готовил завтраки, обеды и ужины, стирал, гладил, пылесосил... Его нисколько не смущали изредка долетавшие до него выражения типа «подкаблучник». Он любил, и это было главное. А все эти мелочи если и настораживали, то он объяснял их спецификой работы жены, особенностями ее характера.

Серьезные разногласия начались из-за Андрея. Вечно занятая матери некогда было интересоваться проблемами сына, и того интуитивно тянуло к отчиму, который к тому же много читал и обладал редкой способностью красочно, доступно, с легкой иронией рассказывать о прочитанном. Жене это не нравилось. Она не хотела, чтобы Андрей вырос таким, как Олег, – «мягкозубым» (так называла его покладистость). Не хотела, чтобы он поощрял его желание стать художником, – у парня была к этому

склонность. Сын должен получить экономическое образование и когда-либо унаследовать ее дело.

Упреки в адрес мужа сыпались все чаще. А потом произошло событие, окончательно выбившее Олега Леонидовича из его «мягкозубости». Seriously заболела его одинокая сестра, живущая в Воронеже. На операцию и последующее лечение требовалась немалая сумма денег. Лидия Викторовна сказала, что денег сейчас нет, надо потерпеть. А спустя два дня купила кулон, за сумму, вдвое превышающую ту, что необходима была на операцию.

Разразился скандал. Олега Леонидовича обескуражило не то, что жена соврала. Потрясла мысль: она просто-напросто... забыла о его просьбе. На другой день она уехала в командировку, а он занял деньги, написал заявление на увольнение, устроился каменщиком в строительную фирму.

Спустя неделю возвратилась жена, и в доме заштормило девятым валом:

– Она кричала, что я опозорил ее, что моя сестра у нее уже поперек горла, что я порчу ее сына... И на такой ноте – почти полдня. Не знаю, как выдержал, но за полдня не проронил ни слова. А вечером собрал чемодан и ушел. Вот в эту, свою прежнюю однокомнатную хрущобу. Живу один, работаю каменщиком, зарабатываю неплохо, долг за операцию уже почти весь отдал.

– Живете один, а письменных стола два...

– Второй – для Андрея. Это его компьютер, диски, книги по искусству.

– И часто он бывает?

– Три-четыре раза в неделю.

Хотел спросить, часто ли бывает сын у матери, но Олег Леонидович, словно угадав мои мысли, сказал:

– Конечно, Андрей рано или поздно помирится с матерью.

– А вы?

– Исключено. Я ведь любил ее. А у нее не было любви ко мне. Она во мне видела лишь некое еще одно удобство. Для себя. Она видит только себя. В любой толпе видит только себя – других не замечает. А для всякого мужика – и «мягкозубого», и «твердозубого» – ситуация, когда ты лишь удобство, оскорбительна... ■

